

того определяются практикой. Осмысление второй фундаментальной – *критической* – составляющей марксистского проекта позволяет сделать вывод о парадоксальной природе того отношения, которое связывает его с капиталистической культурой. С одной стороны, она выступает как объект постоянно возобновляемых усилий по обличению, демаскировке, деконструированию, с другой стороны, во многом является источником тех форм, в которые облакаются эти усилия. Глубинная зависимость марксизма от объекта своей критики обуславливает, в частности, тот факт, что негативное самоопределение теоретического проекта становится положительным условием его существования, что, в свою очередь, обеспечивает нас своеобразным критерием его валидности. Даже несмотря на глобальные изменения, которые претерпели западные общества с XIX в., можно утверждать, что марксизм как одна из наиболее развитых и авторитетных стратегий противостояния капитализму обладает значимостью до тех пор, пока существует объект его критики. Иными словами, марксизм остается в настоящее время значимым настолько, насколько он позволяет сохранить восприимчивость к «теневым» сторонам «глобализированного» капитализма и тем самым не поддаваться идеализирующему взгляду на либеральные демократии как на венец социального прогресса.

¹ Labica G. Le marxisme: orthodoxie et heterodoxie // Encyclopedie philosophique universelle. Paris, 1989. Vol. 1. P. 314.

² См.: Ibid.

³ Маркс К. Классовая борьба во Франции // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: В 3 т. М., 1986. Т. 1. С. 199.

⁴ См.: Певзнер Я. А. Экономическое учение Карла Маркса перед судом двадцатого столетия. М., 1996. С. 31.

⁵ Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. С. 3.

⁶ См.: Castoriadis C. Imaginary Institution of Society. Cambridge, 1987. P. 62.

⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Указ. соч. С. 121–123.

⁸ Там же. С. 119.

⁹ Harvey D. Practical Contradictions of Marxism // Critical Sociology. 1998. Vol. 24. Issue 1/2. P. 9.

¹⁰ См.: Ibid. P. 10.

Поступила в редакцию 17.02.2004.

Ольга Феликсовна Оришева – аспирантка кафедры философии и методологии науки. Научный руководитель – доктор философских наук, профессор А.И. Зеленков.

Е.В. КАЛУГА

МЕТАФИЗИКА СОСТРАДАНИЯ А. ШОПЕНГАУЭРА

Анализируется феномен сострадания в интерпретации А. Шопенгауэра. Главное внимание уделяется его метафизическому происхождению, основанному на воле к жизни.

The article deals with the phenomenon of Empathy in the A. Schopenhauer's interpretation. The main attention is given to its metaphysical origin based on the volition to existence.

Кризисные явления цивилизации во многом предвосхитил Артур Шопенгауэр. Вероятно, именно потому, что они особенно остро ощущаются в наше время, произошел и своеобразный ренессанс идейного наследия мыслителя, оказавшийся возможным лишь после его смерти. Поскольку в своем мировоззрении он особенно ярко отразил трагизм человеческого бытия, полного несбывшихся надежд и страдания, его не случайно принято называть философом мировой скорби. Однако пессимизм Шопенгауэра можно интерпретировать различным образом, как и те его идеи, которые в современной этике приобрели особую значимость и актуальность, что в первую очередь касается проблемы сострадания, в известной мере фундирующую этическое мировосприятие немецкого философа. Для того, чтобы

корректно ее реконструировать, необходимо коснуться некоторых вопросов методологического характера.

Шопенгауэр был, пожалуй, одним из последних европейских философов, которые выстраивали всеохватывающую систему философствования, включавшую в себя онтологию, гносеологию, логику, эстетику, теорию музыки. Однако нельзя забывать о том, что одной из основных составляющих его философии была морально-этическая проблематика. Этика является ключевым моментом в понимании всей его философии. Более того, можно утверждать, что Шопенгауэр перенес центр тяжести философских проблем из теоретической сферы в область морали. Его пессимизм как раз таки и является той моральной оценкой, которую он дает окружающему миру. В своих философских построениях мыслитель соединил этику с метафизикой, поскольку, только придав бытию нравственное значение, человек может, по его мнению, обрести цель и смысл своего личного существования и существования всего мира в целом.

Шопенгауэр отвергает императивный характер этики, абстрактные принципы которой чужды индивидуальному характеру личности. «Добродетели, как и гению, нельзя научить: для неё понятие столь же бесплодно, как и для искусства, и может служить только орудием»¹. Его философская программа базируется на истолковании человеческой деятельности, исходя из ее внутреннего содержания. Философ ставит целью отыскать некое последнее основание образа действия людей, импульс, побуждающий человека к совершению моральных поступков. При помощи эмпирического пути исследования и интуитивного познания, способного заглянуть в глубины человеческого «я», Шопенгауэр делает вывод, что «...все те, кто основывает этику, исходя из сочиняемой ими в муках мировой цели, требуют, чтобы люди каждый раз взбирались на самые высокие ступени их философствований для того, чтобы найти там мотивы для нравственных действий... Шопенгауэр же разрешает человеку прислушиваться к своему сердцу»².

Известно, что центральным понятием философии Шопенгауэра является понятие «мировая воля» (безосновное, бесконечное, слепое влечение, вечно неудовлетворенное и ненасытное), рассматриваемое как некий всеобщий творческий принцип, лежащий в основе всех вещей и процессов, порождающий их. Воля – нечто основополагающее и ключевое для понимания всего, что происходит в мире. Поскольку в данном случае нас интересует морально-этическая проблематика, то правомерно будет задать вопрос: каково же проявление слепого влечения воли в человеке и человеческих взаимоотношениях? Ряд поступков субъекта, сам субъект, его тело есть не что иное, как проявление воли, ее объектность. Поэтому, исходя из онтологической укорененности воли в человеке, следует признать, что каждый из нас является тем, что он есть в силу своей воли. Таким образом, она является фундаментом моральной деятельности, ее побуждения становятся причиной многочисленных страданий, переполняющих человеческое бытие, исследование причины которых и выработка путей преодоления этого состояния занимают в этике Шопенгауэра самое важное место.

Поднимая вопрос о более конкретных основаниях человеческих поступков, Шопенгауэр считает правомерным выделить три главных: эгоизм, злобу и сострадание. Эгоизм обладает фундаментальным характером, ведь он затрагивает самую сокровенную сущность живого. Все поступки живых организмов (как животных, так и человека) берут в нем свое начало, так как все они желают сохранить свое существование, стремятся к личному счастью и наслаждению. Но это неукротимое стремление воли, жажда жизни неминуемо оборачивается страданием. Эгоизм человека заключается в возвышении своего личного «я» по отношению к другим, каждый является для себя неким микрокосмом, в котором сосредоточивается весь мир; все остальное лишь представление. Рассматривая феномен эгоизма как причину возникновения непонимания между людьми и вызывающую страдание, Шопенгауэр подчеркивает, что отмеченная черта не единственный порок. Помимо эгоизма, человек подвержен гораздо более серьезному моральному пороку – злобе. Такие спутники человеческих взаимоотношений, как зависть, злорадство, воплощаются на практике в злобе и жестокости. Дать более ясную

интерпретацию подобного рода поведения позволяет обращение к кантовскому императиву: эгоизм всегда направлен на достижение собственного благополучия любыми путями, а горе и страдания, причиняемые при этом другим людям, являются лишь средством для достижения своих целей; напротив, злоба и жестокость страдания других ставят себе в качестве цели, достижение которой приносит удовольствие и наслаждение, поэтому являются выражением высшей степени морального порока.

Исходя из предписания И. Канта относиться к человеку всегда как к цели, а не как к средству, можно четко определить, что поведение, продиктованное эгоистическими побуждениями, не сопоставимо с морально ценными поступками. Для Шопенгауэра кантовский императив становится ориентиром в обосновании нравственного поведения, поскольку моральную значимость поступка он предлагает искать только лишь в отношении к другим. Причем понятие «другие» рассматривается достаточно широко: проявление нравственного поведения возможно как по отношению к людям, так и к животным. Анализируя поведение человека по отношению к другим, Шопенгауэр приходит к заключению, что среди всего разнообразия мотивов и побуждений только в одном случае можно встретить проявление нравственной глубины личности, когда в основании мотивации лежит не что иное, как желание непричинения зла другому или, более того, всякого содействия его благу. Другими словами, нравственная деятельность связывается Шопенгауэром с состраданием.

Шопенгауэр достаточно подробно разбирает механизм проявления сострадания, суть которого заключается в том, что человек способен совершить нечто во благо другого, точно так же, как если бы мотивом ему служило свое собственное благополучие. Возникает вопрос: каким же образом удастся преодолеть природный эгоизм и злобу? Ответ коренится в метафизическом основании всей философской системы мыслителя – понятии воли: «...это возможно лишь благодаря тому, что этот другой становится последней целью моей воли, совершенно такую же, как в других случаях бываю я сам; благодаря тому, следовательно, что я совершенно непосредственно желаю его блага и не желаю его зла, столь же непосредственно, как в других случаях только своего собственного»³. Чувство сострадания предполагает способность переживать чужое горе как свое собственное, что связано с отождествлением субъекта и объекта сострадания, устранением границы между «я» и «другим». «Коль скоро возбуждается это сострадание, благо и зло другого становится непосредственно близким моему сердцу, совершенно также, хотя и не всегда в равной степени, как в других случаях единственно мое собственное: стало быть, теперь разница между им и мною уже не абсолютна»⁴. Поэтому объяснить явление сострадания в структуре философского мировоззрения Шопенгауэра возможно лишь с позиции его метафизики. Тот прописанный в этике сострадания Шопенгауэра факт, что нравственные проявления человеческой индивидуальности даны a priori, а воля определяет их существование, позволяет в равной степени назвать ее метафизикой сострадания.

Эгоизм, как уже отмечалось, приводит к оторванности людей друг от друга, разобщенности, непониманию и страданию. Principium individuationis (принцип индивидуации), лежащий в основе эгоизма, вызывает представление о существенном различии между «я» и «не-я», порожденном пространством и временем. Однако указанный принцип – лишь явление, скрывающее под пеленой Майи подлинную сущность вещей. Целью каждого, кто стремится наполнить свою жизнь нравственным смыслом, должно стать избавление от такого состояния. Метафизика сострадания основывается Шопенгауэром на том утверждении, что, только сострадая, «...один индивидуум узнает в другом непосредственно себя самого, свою собственную истинную сущность»⁵. Осознав, что множественность принадлежит миру явлений, а воля как «вещь в себе» едина и неделима, человек может понять свое единство с миром. Путь к этому лежит через сострадание. Человек, полностью охваченный чувством сострадания, прозревает суть того, что покрывало Майи, созданное эгоизмом и злобой, скрывает за собой подлинный мир, мир

единой воли, в котором содержится подлинная сущность человека, требующая единения его со всем живым, с мировым целым, а не замыкания в своем индивидуальном существовании. Именно сострадание способно воплотить в реальности принцип единения людей, лечь в его основу, что будет являться воплощением истинного назначения морали. Поскольку, только сострадая, чувствуя боль другого, человек способен ощутить реальность существования этого другого, его присутствие в мире, а тем самым и свою связь с ним.

Человек, уважающий права другого, узнавший в другом существе самого себя, срывает пелену Майи, проникает в глубину вещей, познает единство мира и отрицает свою волю к жизни, причиняющую ему страдания. Такой человек понимает, что различие между ним и другим существует лишь в явлении, тогда как объединяет их нечто более весомое – воля к жизни, лежащая в основе всего сущего: «...для того, кто совершает подвиги любви, пелена Майи стала прозрачной, и мираж *principii individuationis* рассеялся перед ним. В каждом существе, а следовательно, и в страждущем, он узнает себя, свою личность, свою волю»⁶. Такой человек не может более оставаться равнодушным к страданиям других, их боль он воспринимает как свою собственную, все его поступки направлены на то, чтобы облегчить их тяжелую участь, содействовать всеми усилиями их благу, зачастую вопреки собственному, рискуя своей индивидуальностью и даже жизнью. Осознание посредством сострадания сущности «вещей в себе» делает возможным избавление от воли к жизни и, следовательно, от страданий. Преодолевая эгоистические ориентации, воплощающие в себе жажду жизни, человек способен погружаться в безмятежное состояние, свободное от желаний.

Метафизика сострадания Шопенгауэра предлагает своеобразный вариант определения нравственной ценности поступка. Согласно его представлениям, единственно подлинным мотивом, лежащим в основе морали, является сострадание, а не чувство долга, совесть или что-либо иное. Более детальное исследование этики Шопенгауэра, особенно касающееся сострадательного поведения, позволяет вывести некую формулу, без чего не может обойтись ни одно моральное суждение. Для этого не требуется давать другому какую-либо объективную оценку его достоинств или недостатков, но в первую очередь следует учитывать те страдания, боль, которые он испытывает, так как только тогда посредством сострадания возможно почувствовать свое родство с ним.

Показав, как благодаря нравственности можно познать единство и полноту бытия, Шопенгауэр наполняет это бытие моральным смыслом. Когда чужое страдание становится таким же мотивом поведения, как и свое собственное, это означает, что граница между «я» и «другим» уничтожена. Благодаря некоему, можно даже сказать мистическому, отождествлению с другим существом, испытывающим боль и страдание, возможно избавление от тягот собственной жизни во имя блага другого. Подобное отождествление, проникнув в самые глубины человеческого «я», обнаруживает в нем действительное, подлинное основание всего живого – единство воли. Осознав свою причастность к мировому целому, человек способен возлагать на себя вину за все страдания мира, тогда целью его жизни становится желание компенсировать причиненный ущерб. Из такой морали, основанной на сострадании, вытекают две основные добродетели: справедливость и человеколюбие, лежащие в основе всех положительных нравственных качеств. Они являются двумя различными видами поведения: активным и пассивным. Шопенгауэр их определяет как две степени проявления сострадания: «...первая степень лишь та, что оно, противодействуя эгоистическим или злым мотивам, удерживает меня от того, чтобы я причинял другому страдание, т. е. производил то, чего еще нет, сам становился причиной чужих скорбей; затем вторая, высшая степень – та, когда сострадание, действуя положительно, побуждает меня к деятельной помощи»⁷.

В данном случае, правда, возникает вопрос: почему наряду с феноменом сострадания Шопенгауэр не рассматривал феномен сопереживания радости, тем са-

мым лишая его права существования как действительно нравственного? Получается, что человек способен сопереживать чужому страданию, но чужая радость не вызывает в нем ответной реакции. Более того, философ отмечал, что «...вид счастья и наслаждения чисто как таковых очень легко может даже возбуждать нашу зависть, задаток для которой лежит в каждом человеке»⁸. Вероятно, Шопенгауэр наделяет само страдание положительным нравственным статусом в силу того, что только оно способно вызывать в человеке эмоции, достойные морального одобрения, тогда как радость есть феномен отрицательный, порождающий дурные мысли. Такая позиция отражает пессимистическую интенцию, свойственную всему мировоззрению Шопенгауэра и не позволяющую ему рассматривать проблему сопереживания в более полном объеме.

Этика Шопенгауэра не только имела значение для философов второй половины XIX – первой половины XX в. Ситуация начала XXI в. показывает ее значимость в качестве одного из основных ориентиров развития общества в целом и каждого отдельного человека в нем. Беспокойство за судьбу человечества в условиях научно-технического прогресса заставляет вновь и вновь обращаться к проблеме взаимоотношений между людьми, их нравственной составляющей. Этика Шопенгауэра предвосхитила кризис общественных, межличностных отношений в условиях глобального роста информационных технологий и производства материальных благ, показав сопровождаемое страданием одиночество человека в мире. Большая заслуга философа состоит именно в открытии метафизического значения понятий страдания и сострадания. Обращение к метафизике сострадания позволяет вскрыть подлинное основание нравственного поведения – отказ от воли к жизни во имя блага другого, за которым кроется признание единства всего сущего. Таким образом, Шопенгауэр показывает, что мораль может существовать лишь в отношении к другому человеку, где требуется выйти за рамки индивидуального существования для того, чтобы чужое страдание воспринималось как свое собственное. Метафизика сострадания, несмотря на общее настроение пессимизма мировоззрения философа в целом, дает положительную программу освобождения через страдание и сострадание от безудержного стремления воли и достижения счастливого, безмятежного состояния духа. В современных условиях дисгармонии человеческих взаимоотношений, роста отчуждения между людьми, вызванного созданием многочисленных опосредованных средств общения (Интернет и др.), проблема сострадания только начинает приобретать свою актуальность, поэтому обращение к этике Шопенгауэра современных исследователей должно стать первоочередным шагом на пути решения проблем морали и нравственности.

¹ Шопенгауэр А. Мир как воля и представление // Шопенгауэр А. Собр. соч.: В 6 т. М., 1999. Т. 1. С. 233.

² Швейцер А. Культура и этика. М., 1973. С. 242.

³ Шопенгауэр А. Об основе морали // Шопенгауэр А. Две основные проблемы этики; Афоризмы житейской мудрости: Сб. ст. Мн., 1999. С. 274.

⁴ Там же. С. 274.

⁵ Там же. С. 343.

⁶ Шопенгауэр А. Мир как воля и представление // Собр. соч. С. 318.

⁷ Шопенгауэр А. Об основе морали // Шопенгауэр А. Две основные проблемы этики. Мн., 1999. С. 278.

⁸ Там же. С. 277.

Поступила в редакцию 25.02.2004.

Елена Владимировна Калуга – аспирантка кафедры философии культуры. Научный руководитель – кандидат философских наук, профессор И.Л. Зеленкова.